

История философии

12. Бог Аристотеля

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Теперь давайте, если угодно, вернемся к аристотелевскому представлению о Боге. Мы перешли к этому, как это делает он, после обсуждения его метафизики, указывая на то, как всякое сущее, всякий процесс изменения или становления, Это необходимо объяснить с точки зрения четырех факторов или четырех причин. Не только материальная причина, являющаяся предметом изменений, не только действенная причина, оказывающая воздействие, но и формальная причина, сущность происходящего, и конечная причина, цель.

Если это верно для каждого процесса изменений и всего сущего, то это верно и для каждого вида движения внутри более обширного космоса. Следовательно, это верно не только для изменений, происходящих на Земле, но и для вращения планет, для неподвижных звезд на внешней периферии Вселенной, каждая из которых вращается вокруг своей оси. Другими словами, это верно для всего космоса в целом: его бесконечное движение, пространственное движение, круговое пространственное движение, вращение, вращение, вращение, должно иметь адекватное причинное объяснение.

Материальная природа вещей описывается через основные элементы, а также эфир, заполняющий пространство между внешним периметром вещей и планетами. Материальная причина существует. Действующая причина внутри космоса очевидна.

Движение этих неподвижных звёзд вызывает изменения в эфире, поддерживает вращение планет, поддерживает изменения в атмосфере Земли, поддерживает процессы изменений на Земле. Таким образом, действенная причина проходит через всё. Формальная причина заложена в природе вещей, включая природу неподвижных звёзд, потому что их природа — вращаться.

Если каким-то образом это вращение может быть не просто силой, потенциалом, но чем-то, что реализуется, то что поддерживает эту реальность движения космоса и сводит её к самой внешней действенной причине — движению неподвижных звёзд? Что это поддерживает? И вы помните вывод, к которому он приходит, а именно, что за пределами периметра Вселенной существует неподвижный двигатель. Неподвижные звёзды движутся. Неподвижный двигатель не движется, но движет движущимися объектами.

Само по себе оно не меняется, но является первопричиной всех изменений. Благодаря своему влиянию на неподвижные звезды, которое является конечной внешней эффективной причиной всего происходящего во Вселенной. Теперь вы поняли эту цепочку рассуждений с прошлого раза? Ее достаточно просто понять .

Но как только вы поймете его взгляд на геоцентрическую Вселенную, на планеты, вращающиеся вокруг Земли, и на неподвижные звезды на периферии, каждая из которых вращается вокруг своей оси и находится далеко за пределами неподвижной движущей силы. Все остальное движется, кроме неподвижной движущей силы. Никаких изменений, никаких сил, действующих на нее.

Итак, именно такую картину он и формирует. И в оставшейся части 12-й книги «Метафизики» , в главе 6 и последующих, он рассматривает тот или иной аспект этой картины. Было проведено множество литературных критических исследований, посвященных литературному стилю 12-й книги.

Всё ли было написано за один раз? Это собрание отдельных фрагментов? Действительно ли это аристотелевское произведение? Ну, знаете, всё то, чем занимается литературная критика. Всё это происходило и с двенадцатой книгой. Но есть, по крайней мере, картина, которая передаётся как аристотелевская, и я склонен думать, что это так.

В рукописях и переводах гораздо больше единодушных свидетельств того, что это Аристотель, чем в большей части древней литературы. Но в главе 6, на страницах 373, 374 в «Антологии Кауфмана», он подробно останавливается на утверждении, что этот Бог есть Неподвижный Движок. И делает из этого дальнейший вывод, что неподвижный Движок — это чистая актуальность.

Теперь вы достаточно знакомы с терминами «потенциальность» и «актуальность», чтобы понять суть этого. Для Аристотеля любое изменение — это актуализация какого-либо потенциала. Это актуализация какого-либо потенциала.

Я потенциально нахожусь здесь, и сейчас я реализую этот потенциал. Я потенциально нахожусь у трибуны, и сейчас я реализую этот потенциал. Каждый процесс изменений — это реализация какого-либо потенциала, которым обладает данная вещь.

Но сказать, что Бог — это чистая актуальность, значит сказать, что нет нереализованного потенциала. Понимаете ? Нет нереализованного потенциала. В Боге невозможны изменения.

Изменения невозможны. Неподвижный, неизменный, абсолютный источник перемен. Неподвижный двигатель, чистая реальность.

Вот это действительно важно. Зачем он пошёл этим путём? Думаю, одна из причин в том, что, когда заглядываешь вперёд, всегда полезно прочитать последнюю страницу, последнюю главу романа. Когда видишь, к чему всё приведёт, понимаешь, что этот Бог — сплошное благо.

А если всё хорошо, то нет места для улучшений. И если всё хорошо, то ничего не изменится к худшему. Так как же тогда возможны изменения, понимаете? Поэтому, если смотреть вперёд, то, как в платоновской модели добра, изменения в этом смысле невозможны.

Но, что, на мой взгляд, более важно, это возвращает нас к тому факту, что в этом аргументе, исходя из природы космоса, он пытается объяснить вечный, бесконечный, неизменный процесс изменений. Помните, что в отношении различных видов передвижения — линейного, прямолинейного, кругового — существует только один неизменный процесс передвижения, круговое, у которого нет ни начала, ни конца. Нет точки поворота, где нужно остановиться и повернуть.

Но именно вечное круговое движение характеризует планеты и неподвижные звезды. Таким образом, вам нужно нечто, что является конечной причиной всего сущего и обладает неизменной природой. А обладать совершенно неизменной природой означает, что вещь должна быть либо ничем, даже лишенным потенциальности, либо чистой актуальностью.

Чистая актуальность без нереализованного потенциала, так что никакие изменения невозможны. Платон, конечно же, рассматривал свои трансцендентные формы как неподвластные любым возможным изменениям, вечные, а также как форму блага. Аристотель же, да, имеет в виду форму блага.

Но это представление о Боге, находящемся вне всякого процесса изменений, глубоко укоренено в Платоне и Аристотеле. Да? Возможно, я неправильно понимаю концепцию актуальности, потому что, кажется, если Бог полностью актуализировался, то он должен был откуда-то прийти, развиваться до полностью актуализированного... Нет, я этого не делал. Да, вы заметили, что он говорит «неподвижный», имея в виду, что не было и никакого процесса движения.

Итак, вечное — это то, что всегда было тем, чем оно является. Хорошо, чистая реальность. Да.

Хорошо? В этом контексте вы сказали, что он либо должен быть ничем, либо чистой реальностью. Это одно и то же, в каком-то смысле? Он либо должен

быть ничем, либо всем. Да, либо должен быть совершенным, либо ничем вообще. Хорошо.

Да. Значит, это своего рода пантеистическая идея, что он — всё? Не обязательно. Кто-то другой спрашивал в прошлый раз, после занятия, или это было до него, является ли Аристотель своего рода пантеистом? Когда вы читаете 12-ю книгу «Метафизики», нет, создаётся впечатление, что неподвижный двигатель — это трансцендентное существо, а не совершенство бытия.

Но я говорю это с некоторой неуверенностью, потому что в трактате «О душе» он говорит о разумной душе, не только об отдельных разумных душах, но и так, как будто существует некая космическая разумная душа. Как Анаксагор, петля, разум, рассудок. Теперь, если он намеревается отождествить её с неподвижным двигателем, вы понимаете, к чему он клонит? Это будет звучать так, как будто это либо платоновская мировая душа, либо неподвижный двигатель, и, возможно, именно он.

Но ни в одной из сохранившихся литературных работ он не находит никакой связи между этими двумя направлениями. Так что вопрос остается открытым. Но, по крайней мере, его влияние на тех, кто следовал аристотелевской традиции, было скорее в теистическом и деистическом направлениях, чем в пантеистическом.

Однако, сказав это, Кристен, обрати внимание, что этот бог Аристотеля на самом деле не является творцом. Он не творец, по крайней мере, не в иудео-христианском смысле, в котором акт творения приводит вещи в существование. Он создает из ничего то, что существует.

Он даёт существование вещам. Однако с богом Аристотеля всё иначе. Он очень чётко это объясняет и развивает эту мысль в 7-й главе, кажется, или в 8-й, 7-й главе, что этот бог не является действенной причиной, не обладает силой, не оказывает влияния, не является движущей действенной причиной чего-либо.

Не манипулирует вещами. Не заставляет вещи существовать. И так далее.

На самом деле, ему это и не нужно. Потому что космос, по крайней мере, материя космоса, существовала всегда. Для греков материальные элементы были вечны, непреходящи.

Так было всегда. И Аристотель создает впечатление, что космос и его общая структура вечны. В конце концов, эти неподвижные звезды обладают вечным линейным движением.

Вечные, вечные, всегда были, всегда будут. Видите ли, понятия вечного и непреходящего примерно одинаковы для Аристотеля.

Таким образом, всё, что вам нужно от этого бога, — это тот, благодаря кому движение продолжается. Продолжается непрерывно. Это вечное круговое движение.

Если рассуждать в терминах современной физики, то в силу принципа инерции это вряд ли было бы необходимо. Тела продолжают находиться в состоянии движения или покоя, каким они и являются по своей природе. Но не в греческой физике, понимаете, где изменение рассматривается как нечто искусственное.

Движение — это нечто, что необходимо производить и поддерживать. Следовательно, для поддержания этого вечного движения необходимо существо. Но не в качестве эффективной причины.

Почему бы и нет? Ну, есть еще одна причина. Чтобы действовать эффективно, нужно что-то делать. Прилагать силу.

При применении силы вы проходите процесс изменений. Переход от отсутствия силы к ее применению. А если нет изменений, то и применения силы быть не может.

Значит, нет действенной причины. Как же он это объяснит? Ответ, конечно же, заключается в поиске конечной причины. Бог — конечная причина, но не действенная.

И он очень ясно об этом говорит. Бог — конечная причина, а не действенная причина. Поэтому сама природа этого неподвижного двигателя настолько удивительна, настолько чудесна, что вещи движутся благодаря удивлению.

Обратите внимание, что слово «чудесный» трогает до глубины души, вы удивляетесь ему. О, он использует не только слово «удивление», но и слово «любовь». Движение, основанное на любви.

Желание быть похожим на это. В этом, видите ли, заключается идея Григеро. Стремясь к такому результату, вы продолжаете воплощать это в жизнь.

А чтобы говорить о любви звёзд, ему нужно приписать звёздам нечто большее, чем просто инертную материю. В конце концов, из всех греков только один человек, подобный Демокриту, атомист, считал материю инертной. Остальные же, так или иначе, похоже, соглашались с Фалесом в том, что мир жив, понимаете.

Если хотите, это гораздо более органичная концепция. Живой космос. И поэтому души неподвижных звезд стремятся быть подобными этому, что их удивляет.

Теперь вопрос в том, имеет ли он в виду, что души неподвижных звезд обладают сознанием. В конце концов, многие живые существа двигаются, не обладая сознанием. Откуда же луковицы нарциссов узнали, когда им нужно распуститься? Зарытые в землю.

Ну, если хотите, он видит нечто подобное. И поэтому звёзды продолжают своё движение. А Бог — всего лишь конечная причина.

Теперь необходимо сделать еще одно следствие. И он делает это в главе 9. Это глава 6. Давайте посмотрим, я правильно понимаю? Глава 6, глава 7. Давайте посмотрим, давайте посмотрим. Да, 6 — это чистая реальность.

7 — это конечная причина, извините. Давайте это проясним. Глава 6, Глава 7. Глава 9. В главе 8 просто приводятся подробности космологии, неподвижных звезд и так далее.

Но глава 9. Если это божественное существо — чистая реальность, этот неподвижный двигатель, эта конечная причина, не обязано ничего делать, как же вы собираетесь охарактеризовать его реальность? А его описание сводится к тому, что оно ничего не делает, кроме как думает о собственном мышлении. Теперь вы знаете, что значит думать самостоятельно. Размышлять, обдумывать, думать о собственных мыслях, медитировать над ними, наслаждаться ими и так далее.

Но почему только это? Просто потому, что если бы этот неподвижный субъект получал какие-либо внешние стимулы или информацию, влияющие на его мышление, то эти внешние факторы побуждали бы его думать определённым образом. А будучи неподвижным субъектом, чистой реальностью, нет ничего, что не было бы реализовано или не могло бы быть реализовано. Поэтому на его мышление нет внешнего влияния.

Он не видит, как падает воробей. И так далее. А если бы он придумывал совершенно новые идеи, создавал бы фантастические миры, то происходила бы деятельность, которой раньше не было.

Понимаете? Здесь тоже будет задействован нереализованный потенциал. Поэтому единственная умственная деятельность, которой может заниматься неподвижный движущийся объект, — это самосознание. Размышление о собственных мыслях.

Он размышляет о своих собственных мыслях. Он и так всегда знает свои собственные мысли. Он не находит в них ничего нового.

Но размышляя о собственном мышлении. А такое существо, в котором нет возможности нереализоваться, совершенно хорошо. Совершенно хорошо.

Потому что благо для любого существа заключается в реализации его потенциала. Для собаки быть хорошей — значит быть лучшей собакой, какой она только может быть. Благодаря своему потенциалу она и является такой собакой.

Вот и всё. Быть хорошим студентом означает максимально реализовать свой потенциал, оставаясь при этом тем человеком, которым вы являетесь. Реализация вашего потенциала — это ваше благо.

И поэтому тот, кто есть чистая реальность, есть чистая доброта. Никаких недостатков. Никаких морщин.

Никакого недостатка. Никакого лишения добродетели. И вот перед вами Бог Аристотеля.

Если хотите, это классическая ранняя попытка того, что мы называем естественной теологией. Теология, основанная на выводах из того, что мы знаем о природе. Теология, основанная на выводах из того, что мы знаем о природе.

Да. И это обеспечивает базовую основу, в рамках которой работала большая часть более поздней иудео-христианской, исламской и естественной теологии. Как мы увидим, когда дойдем до Фомы Аквинского и его классических аргументов в пользу существования Бога.

Работать с подобной схемой. Модифицированной в соответствии с доктриной творения. Но естественная теология, которой придерживается Фома Аквинский, — это тот же тип мышления, что и здесь.

Ну, вопросы? Комментарии? Да. Боб. Как человек достигает самореализации? Можно ли стать подобным Богу? Да, я хочу чуть позже поговорить о его этике.

Но, безусловно, самореализация человека подобна Богу. Высшая деятельность, которой мы можем заниматься, по мнению Аристотеля, — это созерцание Бога. Да.

Значит, вы на верном пути, делая соответствующие выводы. А те луковицы цветов, о которых вы говорили, чтобы это воплотилось в жизнь, разве им не

нужно было бы каким-то образом знать о неподвижном двигателе? Я имею в виду, на внутреннем уровне, чтобы стать частью чувства удивления. Да, это не очень удачная аналогия.

Это же капуста кале, правда? Аналогия с луковицами не совсем удачная. Смысл этой аналогии, как я её использовал, заключался в том, чтобы сказать, что луковицы находятся в бессознательном состоянии. И всё же, так или иначе, они реагируют.

Вот мой вопрос. Что бы сказал Аристотель, если душа внутреннего объекта, такого как луковица или стебель, не обладает сознанием, то по какой причине она удивляется? Да, ну, он имеет в виду сознательное удивление? Понимаете? Он имеет в виду сознательную любовь? Сознательное желание, стремление? Или он просто имеет в виду естественную тенденцию? Понимаете? Естественную тенденцию к какому-то виду деятельности, присущую этим вещам. Он очень четко указывает, что не обязательно приписывать сознание всем телеологическим процессам.

Телеологический подход ориентирован на конечные причины. Нет. Он в равной степени настаивает на этом в разделе о природе из учебника физики, который вы читали.

Он также настаивает на том, что конечные причины действуют в каждом природном процессе. У людей и в некоторой степени у животных есть некоторое сознание, но в остальном это бессознательное. Но конечные причины всё же существуют.

Почему? Ну, конечная причина заложена в самой сути вещи. По своей природе, своей форме, понимаете, она наделена этим потенциалом. Этой склонностью, этим стремлением.

Понимаете? Помните образ Бога, который он приводит в «Тимее»: Бог заводит Вселенную, отпускает её, и она постепенно угасает? Аристотель как бы говорит, что ей и не нужно было заводить её изначально. Но она никогда не угасает, потому что Бог продолжает оказывать на неё какое-то магнетическое притяжение. Понимаете? Разве для её поддержания не нужно применять силу? Нет, не нужно, если естественный процесс обладает достаточной внутренней силой, которая, будучи должным образом реализована и направлена, производит желаемый результат.

Всё, что вам нужно сделать, это освободить это. Дэвид? Является ли Бог Аристотеля добрым Богом в том смысле, в котором мы используем слово «добрый» как прилагательное? Или это «Благо» с большой буквы? Да, он использует его как прилагательное, как и Платон, а также как существительное.

Возможно, ваш вопрос заключается в том, означает ли это некое метафизическое совершенство.

Или же речь идет о моральном совершенстве. Понимаете разницу? Метафизическое совершенство, самый совершенный вид бытия, какой только может существовать. Видите? Ну, конечно, он имеет в виду первое, метафизическое.

И судя по тому, как он говорит в 10-й главе и ещё в одном-двух местах своих трудов, я думаю, он имеет в виду второе, моральное. Я думаю, он имеет в виду второе. Раньше я критиковал аристотелевский взгляд на Бога, говоря, что понятие Бога выполняет различные функции.

Оно выполняет метафизическую функцию, обосновывая или завершая метафизическую схему. И Бог Аристотеля, безусловно, делает это. Концепция Бога также выполняет моральную функцию, воплощая идеал нравственного добра.

Доброта по природе, по характеру, по поступкам. И Аристотель говорит об этом достаточно, чтобы я подумал, что он подразумевает это. На самом деле, все греки, кажется, считают, что то, что метафизически хорошо, по определению является морально хорошим, если моральная ценность основана на метафизике.

Другая функция, которую, конечно же, выполняет концепция Бога, — это роль объекта религиозного поклонения. Объекта религиозного благочестия. И я раньше критиковал Аристотеля, говоря, что его Бог не является объектом религиозного поклонения.

Но за последние два-три года, перечитывая Аристотеля, я пришел к выводу, что это не совсем верно. Возьмем, к примеру, такие понятия, как удивление, любовь, желание быть похожим, и там присутствует концепция подражания Богу. Утверждение, что созерцание Бога — это наша высшая деятельность, звучит очень похоже на религиозную терминологию.

В одном из своих политических трудов он утверждает, что правительство должно поддерживать религиозные храмы. Финансировать их. Как будто религия, которая способствует нравственному благу, отвечает интересам государства, функция которого состоит в достижении хорошей жизни, которая является нравственно благой, и религия, как считает Аристотель, способствует этому.

Итак, да, я думаю, что Бог Аристотеля, как он представлен в метафизике, конечно же, в первую очередь выполняет метафизическую функцию, но в его

понимании также имеет моральную и религиозную функцию. Поэтому мне пришлось изменить свое мнение по этому поводу. Меня беспокоит один момент, касающийся этого неподвижного движителя — Бога.

Он кажется почти бессмысленным и глупым в том, что просто сидит и размышляет о своих мыслях. И, возможно, — и, может быть, это потому, что я вырос в другую эпоху, — у него нет никаких оснований или причин для романтических добродетелей. Страсти и любви.

Да, я не уверен, что слово «глупый» здесь уместно. Отстраненный, равнодушный, безразличный. Знаете, Бог любит вас и у Него есть чудесный план для вашей жизни.

Нет, у Аристотеля нет четырех духовных законов. Нет, ничего подобного. Полагаю, вы могли бы сказать «безличный», в смысле не имеющий личного отношения к делу.

Хотя, если сознательное мышление и нравственный характер являются необходимыми составляющими при определении личности, то, судя по тому, как говорит Аристотель, Бог может быть в этом смысле личностным. Но он очень далек от Бога Авраама, Исаака и Иакова. Еще дальше от Бога, воплощенного в Иисусе Христе.

Любящий и отдающий себя. О да, это далеко, очень далеко от этого. Как это обычно бывает с Богом естественной теологии.

В конце концов, если вы пытаетесь вывести какое-то понимание Бога из того, что вам известно о естественном порядке вещей, что же, согласно Посланию к Римлянам 1, мы можем знать: Его вечную силу и Божественность? Конечно, этому есть пределы. И большинство людей, пытающихся заниматься естественной теологией, говорят, что о Боге гораздо больше можно узнать из откровений религии. Дело в том, что Аристотель не был удовлетворен религиями своего времени.

Да? Когда вы говорили о Боге пяти, об опыте пяти, да, вы совершенно правы. Видите ли, что происходит в развивающейся мысли в течение, скажем, следующих тысячи лет? Ну, в следующие два-три, ну, 500 лет, в течение 500 лет после Аристотеля, этот вопрос о том, как соотносить мир вечных идеалов, будь то формы Платона или Бог Аристотеля, с природным миром, с тем, кто мы есть и что мы делаем, этот вопрос становится решающим. Понимаете? Одно дело сказать, что существуют вечные образцы для подражания, даже Бог, которому можно подражать.

Но где же проявление силы в природном мире или в мире людей, в истории, в человеческой жизни? Что ж, эту возможность открыло появление в греческой мысли иудео-христианского представления о Боге как о всемогущем творце. Апостольский Символ веры — одно из самых ранних христианских исповеданий веры. Я верю в Бога-Отца, всемогущего Творца.

Ни один грек не смог бы так сказать. Платон тоже не смог бы. Всемогущий? Создатель? Да, демиург.

Но всемогущий? Понимаете? Нет, сразу же первая же строка Апостольского Символа веры утверждает, что Бог является действенной причиной творения. Понимаете? Вот это было революционно! Понимаете? Что ж, об этом мы поговорим позже. Это будет иметь далеко идущие последствия для всех остальных тем.

Это порождает конфликт мировоззрений в патристические времена. Натурализм, дуализм, пантеизм, иудео-христианский теизм. Да.

Хорошо. Сегодня одним из тех, кто является настоящим аристотелевцем и много писал об Аристотеле, является Генри Вейч, который много лет преподавал в Университете Индианы, затем в Джорджтаунском университете, а сейчас находится на пенсии. Замечательный человек.

Он христианин, очень сердечный человек. Но, говоря о Боге Аристотеля, он подчеркивает, что Аристотель говорит нам, что человек не является мерилем всего сущего. Боги...

И, полагаю, только такой человек, как христианин, может это понять и сказать так прямо. Да, если вы помните софиста, который сказал, что человек — мера всего сущего. Нет, Аристотель прямо говорит, что это не так.

Бог существует. И он говорит, что самая важная цель, ради которой мы что-то делаем, — это не мы сами, потому что мы не самые важные существа во Вселенной. Таким образом, здесь затрагиваются этические аспекты, но высшая цель человека — это не его самореализация.

Хотя в реальности, в отношениях с Богом, может происходить актуализация. Но Бог — наша высшая цель. Да, Аристотель видит именно такое направление.

Итак, давайте посмотрим. Теперь я хочу перейти от метафизики Аристотеля, включая его естественную теологию, к рассмотрению его логики и эпистемологии. Это будет относительно кратко, но я думаю, что это очень и очень важно.

В качестве предисловия позвольте мне отметить следующее: труды Аристотеля по логике и эпистемологии были собраны его комментаторами и учениками после его смерти под общим названием «органон», что просто означает «метод». Хорошо. И внутри «органона» вы найдете целый ряд различных работ.

Один по имени Категории . Еще один раздел об интерпретации. Еще один раздел — априорный анализ.

Ещё один раздел — апостериорный анализ. Ещё один — тематический раздел. И наконец, софистические опровержения.

В нашей антологии есть немного материалов из «Категорий» и немного из «Вторичной аналитики». Но позвольте мне лишь обозначить общую тематику каждого из них, чтобы вы могли увидеть диапазон его деятельности.

Категории рассматривают то, как термины, слова и понятия функционируют в нашем мышлении. Я вернусь к этому чуть позже. «Об интерпретации» посвящено логике утверждений.

Не термины, а утверждения. И, как вы уже хорошо знаете , утверждение — это нечто, что что-то утверждает или отрицает. У утверждения есть форма: S — это P или не P , подлежащее, предикат, соединенные связкой.

Он говорит о логике утверждений в контексте нашего толкования. « Первая аналитика » идёт ещё дальше и рассматривает логику силлогизмов.

Силлогизм, разумеется, состоит из утверждений. Как и утверждения состоят из терминов. Понимаете?

Как правило, силлогизм имеет большую посылку, малую посылку и заключение. Из логического соотношения, из которого выводится заключение, получается утверждение. Таким образом, он разрабатывает свою логическую схему, свою логическую систему, которая сохранилась с того дня до наших дней.

Аристотелевская логика до сих пор остается базовой логикой, преподаваемой на курсах логики. Она лежит в основе большей части более поздних логических разработок. В «Второй аналитике» он говорит о том, что называет научным рассуждением.

Именно так мы приходим к нашей первой посылке . Как мы можем знать, что наши первые посылки, основные посылки, истинны? Это очень, очень важно.

В «Темах» он говорит о диалектике. Это более ранняя работа, написанная до того, как он открыл силлогизм. Но она посвящена диалектическим типам аргументации, ценным для дискуссий и тому подобного.

Используется в риторике. А «Софистические опровержения» посвящены логическим ошибкам, которые, по его мнению, софисты совершают бездумно. В своих действиях.

Таким образом, в «Органоне» вы фактически имеете в виду целый учебник по логике. И если бы он не был так утомительно написан, ну, по крайней мере, утомительно читаться, из него, вероятно, получился бы довольно хороший учебник по логике. И многие вводные учебники по логике имеют именно такую структуру глав.

Или что-то очень похожее. Однако сейчас я хочу сказать несколько слов о категориях. Потому что мы уже упоминали об этом раньше, и на странице 282 вы найдете подборку категорий.

Примерно пять страниц. И вот отрывок, который я хочу, чтобы вы прочитали внимательно. На самом деле, это вступительная часть.

Отбор. В материалах Аристотеля. И вы должны поблагодарить меня за то, что я не начал наше обсуждение Аристотеля с этого.

Подозреваю, вы бы расстроились, задаваясь вопросом, зачем это вообще нужно. Возможно, вам было бы скучно. И так далее.

Метафизика гораздо интереснее. Но в категориях есть несколько моментов, на которые я хочу обратить ваше внимание. Один из них — это то, как он использует такие термины, как виды, роды и дифференциалы.

В наше время существуют стандартные термины. Но именно Аристотель ввёл подобную классификацию вещей по видам. Классификацию видов по более крупным родам.

Отдельный род. А также более крупные семейства, группы и так далее. Так что это просто его метод классификации.

Дифференциалы — это существенные свойства, отличающие один вид от другого, то есть отличающие один род от другого. Поэтому, когда Аристотель говорит о людях как о разумных или социальных животных, он имеет в виду и то, и другое.

Внутри рода животных человеческий вид отличается рациональностью и социальностью. Это и есть его отличительные черты. А что отличает человеческий вид от других видов животных?

Такова его терминология. И вы обнаружите, что эта терминология важна, когда он начнет спрашивать, как мы узнаем истинные первые предпосылки. Потому что, если вы не знаете истину о каком-либо роде или виде, вы не можете сделать никаких выводов ни о чем другом в этом роде или виде.

Понимаете ? Как можно спорить о бытии, если не знаешь ничего о природе бытия? Как можно спорить о людях и о том, что для них хорошо с моральной точки зрения, если не знаешь ничего о различиях между людьми? Что делает их людьми? Понимаете ? Поэтому для того, чтобы Чтобы получить необходимые предпосылки, ему нужно добраться до сущности, до природы тех вещей, которые он собирается обсуждать. Это первое. Во-вторых, в главе 4, на странице 283, он возвращается к различным категориям, с которыми мы впервые познакомились в метафизике как с категориями бытия.

Только здесь они представлены как категории мышления. И он очень четко приводит список того, что ему нужно на странице 283, в главе 4, вещей, сказанного без сочетания, просто как термины. Каждое слово обозначает либо одно, либо другое; любое слово будет обозначать одно из этих значений.

Это может быть либо сущность, либо качество, либо какое-либо качество, либо отношение, относительность, либо место, либо время, либо положение, либо обладание, либо действие, либо воздействие. Категории Аристотеля. И его мысль будет заключаться в том, что в логическом рассуждении нельзя переключаться посреди обсуждения с одной категории на другую.

Видите ? В XX веке, в 1950-х годах, некоторые британские философы начали обвинять людей в совершении категориальных ошибок. Категориальная ошибка — это когда в середине обсуждения вы переключаетесь между категориями. Классическим примером является случай, когда Гилберт Райл назвал дуализм разума и тела Декарта, две сущности, разум и тело, категориальной ошибкой.

Тело, конечно, является субстанцией. Это правильная категория. Но говорить о разуме как о субстанции, вещи, а не просто о качестве или функции, — это категориальная ошибка.

Таким образом, вся проблема разума и тела, по мнению Гилберта Райла, возникает из-за категориальной ошибки. Аристотеля беспокоит то, что в цепочке рассуждений необходимо сохранять одинаковое значение терминов, а не менять их местами и уравнивать. Некоторые из вас уже слышали мой любимый пример на эту тему.

Всё так: я люблю тебя, следовательно, я — возлюбленный. Весь мир любит возлюбленных.

Ты для меня весь мир; ты меня любишь. Теперь, ребята, это не работает ни логически, ни как-либо иначе. Но обратите внимание на ошибку двусмысленности, использование одного слова в двух разных значениях, которая присутствует в этом термине, и он функционирует как один термин — «весь мир».

Весь мир любит любовника — эмпирическое обобщение. Ты для меня весь мир — оценочное суждение. Понятно? Второе — это оценочный термин.

Первый термин относится к содержанию. Категориальная ошибка. Понятно? Запутываете категории.

Именно таких ошибок он и хочет избежать, указывая на то, что если вы хотите, чтобы средний термин в силлогизме, связь между предложениями, оставался неизменным, он должен означать одно и то же оба раза. Нельзя менять категории. Поэтому введение этих категорий является частью его логического аппарата.

Затем, в пятой главе, он возвращается к двум значениям слова «субстанция». Помните? Первичная субстанция и вторичная субстанция. И если вы забыли с прошлой недели, первичные субстанции — это частные сущности, вторичные субстанции — это формы.

Он занимается подобными вещами, разрабатывает и детализирует различие между первичными и вторичными субстанциями в материале, который мы имеем из категорий. Теперь же я хочу сосредоточиться на апостериорном анализе. И это очень важно.

Ещё важнее. Позвольте мне повторить это ещё раз, хотя бы вкратце, а затем мы продолжим в следующий раз. Проблема, с которой он сталкивается, заключается в том, как мы можем с уверенностью знать неизменные истины. Неизменные истины о классах вещей, общие истины.

Разумеется, если вы хотите узнать какую-либо общую истину о каком-либо виде, вам необходимо знать что-то о его сущности. Это его отличительные черты. Это его сущность.

Это форма. Поэтому вопрос, по сути, в том, как можно узнать формы? Как можно узнать формы? Потому что ваши предпосылки должны касаться форм. Сущности чего-либо.

Чтобы сделать дальнейшие выводы, которые следуют с такой же уверенностью, он теперь рассматривает различные варианты. Можем ли мы познать формы просто посредством чувственного наблюдения? Нет, почему нет? Да, чувственное наблюдение дает нам лишь частное, а чувственное восприятие частного относительно угла зрения и множества других факторов.

Итак, чувственное наблюдение не даёт информации о формах. А как насчёт врождённого знания? Предложение Платона. Что ж, видите ли, это был хороший вариант для Платона.

Отличная мысль, Платон. Потому что если формы трансцендентны, и вы знали их в другом мире в предыдущем существовании, так что память о них скрыта в вашем подсознании, то это врожденное. Отличная мысль, Платон.

Но Аристотель не считает формы трансцендентными и не полагает, что человек существовал до того, как познал их. Поэтому платоновское врождённое знание здесь ни при чём. Если бы они были врождёнными, мы бы ожидали, что люди их познают, но они этого не делают.

Как же мы можем познать эти формы?